

УДК 821.161.1

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Симонова Тамара Григорьевна

доцент кафедры русской филологии учреждения образования
«Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Гродно, Беларусь)

Ключевые слова: традиция, типологические схождения, герои, персонажи, сходство, деталь, психологизм, А. Прево, М. Шолохов.

Рассматривается опосредованная традиция в литературном процессе, обусловленная типологическими сходствами в произведениях разных авторов (на примере произведений А. Прево «Манон Леско», М. Шолохова «Тихий Дон»). Источником такой традиции являются устойчивые закономерности действительности.

Литература в ряде случаев дает примеры не прямого влияния текстов, обусловленного традицией и ее очевидными проявлениями (рецепция, интертекстуальность), а подобий отдаленных, на первый взгляд случайных, которые можно отнести к категории типологических сходжений. Созданные в разные исторические и литературные эпохи, относящиеся к разным жанрам, имеющие неодинаковые целевые установки, оперирующие несходной системой персонажей книги А. Прево и М. Шолохова, кажется, не имеют оснований для сопоставления. Тем не менее такие возможности обнаруживаются. Отсутствуют сведения о знакомстве Шолохова с романом Прево, когда возможна даже бессознательная параллель с предшествующим произведением в новом тексте. Рассматривая процесс художественных взаимодействий, Ю. Боров замечает: «Художник может испытывать влияние предшественника, с творчеством которого он даже не знаком. ... Великий художник, как бы растворяясь в мировом литературном процессе, оказывает всеохватывающее воздействие на его развитие» [1, с. 43].

Роман Прево и одна из сюжетных линий эпопеи Шолохова сконцентрированы на перипетиях любовных отношений, маркирующих одну из вечных тем « странностей любви». В любовь двоих вклиниваются внешние факторы, при этом чувства любящих подвергаются многим испытаниям, вплоть до трагедии смерти. Манон Леско, пленительная и легкомысленная, не равнодушна к соблазнам богатства и веселой жизни, но всегда возвращается к своему верному де Грие. Аксинья любит Григория и готова по первому зову идти с ним (в Ягодное, в отступление повстанческой армии, в бегство из Татарского из-за угрозы ареста Григория). Ее отношения с Листницким – следствие горя и одиночества, а не преднамеренная измена любимому. Для Манон и Аксиньи чувство к своему избраннику – единственное, судьбоносное, не сопоставимое с привходящими отношениями.

Герои Прево и Шолохова – нарушители традиций. Де Грие и Григорий надолго отрываются от семьи, вступают в противоречия с отцами, не одобряющими их поведение. «... Я был так переполнен своею страстью, что почти не думал о своей семье и о том горе, которое должно было причинить отцу мое исчезновение» [2, с. 22], – вспоминает де Грие. Отношениями с Аксиньей вызваны серьезные размолвки с отцом Григория: «Я вам, батя, не во гнев скажу ... – не я женился, а вы меня женили. А за Натальей я не тянусь» [3, т. 1, с. 167]. Любовь Манон и Аксиньи, не введенная в рамки церковного брака, вне закона. В случае с Манон и де Грие преступление законности

связано и с уголовно наказуемыми действиями. Разрушение установленных правил происходит не преднамеренно, как сознательная борьба со сложившимися нормами жизни, а стихийно, под воздействием обуревающих эмоций, когда чувство оказывается сильнейшим и единственным стимулом для совершения поступка. Герои обоих писателей трагичны и двойственны: под влиянием приводящих обстоятельств гармония личных отношений уступает место разрушению иллюзий, им приходится столкнуться с тяжелыми испытаниями и разочарованиями. Они совершают ошибки, пытаются исправить положение и остаются верными друг другу до конца. Радость и горе отмерено им сполна, что является отличительной чертой их судеб.

Сцены смерти Манон и Аксиньи поражают сходством обстоятельств и деталей. Гибель происходит во время бегства с возлюбленным, которому угрожает опасность. Каждый из них пытается помочь женщине, сохранить ее для жизни. «Я согрел ее руки жаркими поцелуями и теплотой своего дыхания. Я провел всю ночь, бодрствуя над ней» [2, с. 100]. «Он приподнял Аксинью, подставил под спину ей колено, стал перевязывать рану, пытаюсь унять хлеставшую из-под ключицы кровь» [3, т. 4, с. 473]. Оба совершают погребение по сходному принципу. «В том месте, где я находился, копать землю было нетрудно: кругом была степь, покрытая песками. Я разломил свою шпагу, для того, чтобы было удобней работать, но руки оказались для меня гораздо полезнее клинка. Была вырыта глубокая могила; я опустил в нее кумир моего сердца, тщательно закутав ее в свои одежды, защитившие ее от песка» [2, с. 162]. Григорий «вынул из ножен шашку, начал рыть могилу. Земля была влажная и податливая. ...Землю он выгребал руками и шашкой, не отдыхая ни минуты... Уже в могиле он ...головным платком прикрыл лицо, чтобы земля не засыпала ее полуоткрытые, неподвижно устремленные в небо и уже начавшие тускнеть глаза» [3, т. 4, с. 473–474]. Обе женщины умирают на рассвете. Перед погребением де Грие и Григорий отдают возлюбленным последний поцелуй. Для каждого из них уход любимой означает собственную смерть. «...Я лег на могилу лицом в песок, закрыл глаза с намерением их больше не открывать...» [2, с. 162]. «Он попрощался с нею, твердо веря в то, что расстанутся они ненадолго» [3, т. 4, с. 474].

И Прево и Шолохов, каждый по-своему, обладают великолепным умением передать мир человеческих чувств. Психологизм Прево выходит за рамки литературы его времени и предвосхищает прозу последующих столетий. Если Прево предпочитает отражать, что испытывают его персонажи описательно, «объясняя» их душевные движения (не случайно избранная им форма рассказа-исповеди), то Шолохов прибегает к выразительным деталям, к приему психологического параллелизма.

Типологические сходства, которые обнаруживаются в произведениях разных эпох, литературных направлений, жанров раскрывают общность

жизненных закономерностей, устойчивость психологической природы человека, сходство образа мышления художников и средств реализации творческого замысла. Подобие отдаленного отражает действие неявных (опосредованных) традиций, источником которых служит сама жизнь. Традиция предстает как неосознаваемая ориентация на предшествующие проблемно-тематические ориентиры, жанровые и стилевые особенности, типологию персонажей, утвердившиеся в культурном сознании писателя.

Литература

1. Борев, Ю. Художественные взаимодействия как внутренние связи литературного процесса / Ю. Борев // Теория литературы. Том 4. Литературный процесс. – М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С. 41–47.
2. Прево, А. Манон Леско / А. Прево. – М.: ГИХЛ, 1951. – 167 с.
3. Шолохов, М. Тихий Дон / М. Шолохов. Т. 1, 4. – М.: Современник, 1973. – 399 с.; 478 с.